

Гая МАРКЕЛОВА

«Думая о будущем, хочу видеть перспективу!»

18 января 2008 года исполнится 70 лет нашему земляку, коллекционеру Михаилу Кнобелю

Собрание, коллекция, музей — слова одного ряда. Того ряда, который обуславливает отношение Человека к результатам своего Бытия, к "вещному" слою, который отчасти определяет культуру. Культуру, которая, проникая во все уровни сознания и жизнедеятельности, создает новые плоды. Уместно вспомнить здесь библейское: "По плодам их судите о них".

Артефакты — самые зримые, осязаемые плоды. По артефактам можно судить об уровне прогресса, составить представление о ментальном состоянии общества, догадываться о заветных желаниях мастера-творца, которые надежно спрятаны от него самого в глубинах подсознания. Собранные вместе, они (артефакты) являются овеществленной памятью, памятью рода, времени, земли. Обеспамятовав, человек превращается в страшного зверя, пляшущего на костях своих предков.

Нам, одесситам, постоянно подбрасываются искушения — то в виде государственных учреждений на месте захоронений (Куликово поле), то увеселительных аттракционов на месте могил первых одесситов (Первое кладбище), то мусорников, в которые нерадивые работники превращают бывшее кладбище (Старое еврейское). Да и состояние наших музеев (их стен, лестниц, крыш) внушает трепет ужаса. И в этом контексте роль личности, способной уберечь от мерзости запустения нашу память, возрастает, становясь ключевой. Как золотоискатели, просеивающие через драгу песок дабы намыть золото, люди, имена которым меценаты, коллекционеры, отбирают по крупице то, что предопределяет данный временной срез культуры.

Город наш судьба иногда балует удивительными личностями, и я хочу рассказать об одной из них, нашем современнике, который уже на протяжении тридцати лет проводит немалую работу, собирая произведения искусства одесситов.

Думаю, что любовь к городу перешла к нему от его родителей, одесситов, молодых энтузиастов, которые по назначению после окончания одесского пединститута уехали преподавать на Памир, увозя с собой в разреженную прозрачность горного воздуха воспоминание о шуме черноморской волны. Там и появился на свет наш герой — почти семьдесят лет тому назад.

"Дети войны" — это не просто статус. Это комплекс нерализованных возможностей. Это почти всегда обоженное солнцем эвакуации детство, тоска и слезы матерей, первый огрызок химического карандаша, поломанного и обкусанного, которым стараешься изобразить порхающую бабочку. Затем возвращение "домой", в руину, в ужасающий шепот откровения, когда наука выживания предстает пред тобой во всем многообразии коллизий, когда ты забываешь те твои первые старания над клочком линованной тетрадки с огрыском карандаша в руке...

С военного сорок четвертого жизнь Михаила Кнобеля связана с Одессой, которая вошла в его сердце, в каждую клеточку его естества, связав его нерасторжимыми узами любви. "Я не смог уехать, когда вопрос стоял весьма остро, когда уезжала моя семья, я остался. Я — одессит, потомственный", — говорит Михаил Зиновьевич.

С Одессой связано и начало его коллекции. Как-то в московском "комке" он купил приглянувшийся пейзаж. Присмотревшись, узнал знакомое, родное, одесское. Заинтересовался подписью, разузнал о художнике, — оказался Лукьян,

одесский художник. И так, первое, почти случайное, приобретение всколыхнуло воспоминания детства, открыло неведомый ранее путь длиною в тридцать лет. Путь этот приводит к самому себе, к познанию времени, к сохранению памяти о нас, одесситах, любящих выпуклым горизонтом вместе с Юрием Егоровым, усмехающихся над деревенскими сценами вместе с Юрием Коваленко, выбрасывающих трепещущие флажки в пронзительную голубизну неба вместе с Олегом Волошиновым...

На сегодняшний день коллекция Михаила Кнобеля охватывает творчество одесских художников последних семидесяти лет. Филигранные акварели Олега Соколова подписаны 1957 годом, тонкий, изысканный натюрморт Пархета подписан 1934 годом.

"Меня в коллекции интересует не количество: лучше, чтоб художник был представлен одной или двумя работами, но яркими, интересными", — формулирует свое кредо коллекционер.

Михаил Кнобель любит удивлять своими сокровищами. Показывать работы для него ритуал, действо. Да и к работам он относится бережно. Тщательно выбранная рама или подставка под скульптурную композицию всегда ненавязчиво подчеркивает особенность, обычно не замечаемую сразу. Нужно сказать, что состояние рисунков, холстов, скульптур бывает просто ужасным. Руки, через которые проходят артефакты, не всегда осознают ценность того, с чем они соприкасаются, так что работам достается и от невежества, и от равнодушия. И тут Кнобель выступает в роли и реставратора, и оформителя. Приходится только удивляться, как много умений и знаний приобрел этот инженер, когда дал выход своей любви к искусству.

Первый раз свое собрание работ современных художников Одессы Михаил Кнобель показал в 1993 году. Выставка состоялась в Художественном музее. На открытие выставки коллекционер на личные средства пригласил художников — одесситов, которые работают теперь в разных уголках Украины. Он первый вскрыл проблему, назревшую к концу прошлого века. Состояние художественной жизни последних годов существования советского строя и предыдущего давления на творческую личность, которая не вписывалась в идеологические каноны, привели к тому, что многие работы раскупались и отбывали за рубеж. Покидали страну и сами художники. Саша Ануфриев, Володя Стрельников, Володя Наумец, Юрий Диков, Юра Цуркан, Люсик Межберг, Люсик Дульфан и многие, многие разлетелись по всему миру. Кнобель же показал современное искусство Одессы и доказал, что оно имеет высокий уровень мастерства. Перелистывая

"Книгу отзывов" с первой выставки, наталкиваемся на такие записи:

"Экспозиция в целом привлекает взор, спуски к морю изумительны!!! "Солнце" Басанца слепит глаза, другие имена не осмеливаюсь называть, ибо все — Мастера. Такой колоритный подбор давно нам не показывали! Поклон Создателю, который одарил Божьей искрой столько художников нашего города!" Борис Левых

Записи сделаны на русском, украинском, польском, английском, испанском, иврите, арабском, французском...

лять наш город и его искусство при всех зарубежных контактах.

"Дело то в том, что нет у нас никаких законов, которые бы поддержали филантропические начинания. Ни милосердие, ни филантропия у нас не в чести. Мы, коллекционеры, — "бесправны", в том смысле, что в правовом отношении мы не защищены. Я понимаю, что сделанное (собранное) сейчас через сто-двести лет станет вехой в истории искусства, — всякий раз подчеркивает Кнобель. — Если бы у меня была возможность построить Музей современного искусства! Показать в нем одесских мастеров, которые сделают честь любому городу! Выбрав свое направление, я рискую, зато я приобщаюсь к развитию художественного процесса, к истории изобразительного искусства, творимого сегодня. Это особое ощущение! Если меня спросят, о чем я мечтаю, то это — создать Музей современного искусства в Одессе!"

А пока одна за другой выставки всякий раз восхищают одесситов.

"Я хоть сегодня могу сделать выставку портрета или любую тематическую выставку", — нет, не хвастает, а констатирует Михаил Зиновьевич и показывает восхищенные портреты, сделанные рукой Володи Наумца. Сквозь пронзительную синь пы-

12.07.93

"Замечательная выставка. Все прекрасно, душу захватывает. Спасибо за предоставленную возможность увидеть все это".

17.07.93

"Слава богатым людям! Особенно тем, кто с хорошим вкусом! И своеобразной "дальновзоркостью"... Спасибо, Михаил Зиновьевич!" (Подпись неразборчива.)

16.07.93.

"Сильнейшая выставка! Одессе есть чем гордиться и кем. Спасибо Кнобелю за выставку". Поповиченко Андрей

17.07.93

А рядом подлой рукой нацарапано: "которую он увозит навсегда".

И это тогда, когда Кнобель первый поднимает вопрос о том, что Одессе необходим музей современного искусства. Кстат, помощь в создании такого музея власти обещали, а воз и ныне там. За пятнадцать лет независимости такие обещания коллекционеру выслушать пришлось не раз — и на разных уровнях власти, и от разных функционеров.

То же произошло и с альбомом "Мистецтво Одеси в колекції Михайла Кнобеля", который был издан на личные средства Кнобеля в 2002 году и презентован одесской и киевской публике на выставках с аналогичным названием, которые проходили в Музее западного и восточного искусства в Одессе и в Национальном музее Украины (Киев) в 2003 году.

Никакой поддержки меценат не получил от властей, а этот альбом мог бы с достоинством представ-

тит трубой Валик Хрущ, как-то особенно выходящая руку с трубкой, а вот сам хозяин, Михаил Кнобель, смотрит на вас с портрета, где энергичный поворот головы подчеркнут темной широкой линией. Грандиозную выставку Володи Наумца организовал тоже Михаил Зиновьевич.

Зачастую у него складываются сердечные, дружественные отношения с художниками. Уже много лет он дружит с Олегом Волошиновым. "Уверен, что место Волошинова в первых рядах одесских имен, что его роль в жизни городской школы недооценена. Многие его работы разбазарены, но с 90-х годов он стал работать по-иному. Понятно, что это веяние времени. Но и без моего влияния не обошлось!" — улыбается Михаил Зиновьевич Кнобель. — Художник растет, совершенствуется, все происходит у меня на глазах. Но я не пассивный наблюдатель. Я рядом. Я — соучастник. Это особое ощущение принадлежности к творчеству, внутреннему росту. Художники стали частью моей жизни. Надеюсь, что я тоже вошел в их жизнь. Наши отношения могут изменяться, но получен общий опыт, много моментов уже произошло. Они зафиксированы в моей коллекции. И это самое драгоценное для меня".

Общение с художниками приносит ему истинное удовольствие, особенно, когда процесс творчества происходит на его глазах. Как он рассказывает о том, как владеет новой техникой Володя Наумец, как медитативно работает Олег Волошинов, как бережно кладет мазок Женья Рахманин, какие чудеса может делать

с металлом Миша Рева! Такие нотки нежности слышны в его голосе, когда он рассказывает о своей внучке Лизе.

Он воспринимает художников породственному, открытым сердцем, понимая, что отношения с ними порой омрачаются товарно-денежными отношениями. У него есть даже собственная теория. Уважая самооценку наших творцов, он все же просит не забывать о том, что его финансовые возможности не безграничны. Чаще всего та сумма, которой достоин художник, даже когда его претензии справедливы, отсутствует. Приходится находить компромисс. "Чаще всего мы его находим!" — уверяет Кнобель

Мечтая о будущем, Михаил Зиновьевич Кнобель постоянно твердит, что есть художники, которые живут в Одессе, а есть художники, которые представляют одесскую школу в мире, работая по разным странам, но оставаясь по духу одесситами. Школа эта корнями уходит в южнорусскую школу, туда, к Костанди, Куинджи, Айвазовскому даже, несмотря на то, что его пребывание в Одессе было недолгим. К Дворникову, Нилусу, Кузнецову, Кандинскому, но обогащенная опытом постмодернизма, она принесла необыкновенные плоды, исследовать которые предстоит грядущим поколениям. Именно поэтому нужно многое сохранить.

Он мечтает еще об одном каталоге, который охватит бы весь более чем столетний период. Он мечтает еще об одной большой выставке, которая бы содержала работы из его коллекции и включала бы дополнительно отдельный зал с работами его друга, художника Олега Волошинова, которому в этом году тоже исполнилось семьдесят. Но более всего он мечтает об одесском музее современного искусства. Он уверен, что такой музей нужен, прежде всего, городу, — чтобы сохранить память, чтобы молодое поколение воспитывалось бы не на белых пятнах нововознесенных заборов. Чтобы запечатленная в этих артефактах любовь к нашему городу, к зеленеющим на морском ветру прядям Александра Сергеевича, отраженная в ярких, цветущих красавицах Прокпенко, в мерцающих пейзажах Басанца, перешла бы в сердца грядущих поколений.

"Думая о будущем, хочу видеть перспективу!" — твердит Михаил Зиновьевич. Для него эта перспектива обозначена летящей линией Валика Хруща, взмахом крыльев ангелов с полотен Саши Ануфриева, эстетскими композициями Стомбура, нежностью полотен Валентина Филипенко, горными пейзажами Евгения Рахманина, изгибающейся морской далью Юрия Егорова, золотой рыбкой в мерцающем свете Владимира Наумца, светом далекого маяка и легкого морского бриза в полотнах Олега Волошинова... Всем тем, что составляло основу его жизни, занимало все его помыслы, все его естество уже тридцать лет. Оглядываясь назад, он вспоминает годы, которые были проведены с друзьями в жарких спорах об искусстве, потому что все были максималистами, для которых жизнь вне искусства была немислима. Остались полотна, насыщенные необычайной энергией, и, как сейчас принято говорить, излучающие особую ауру. Как бы хотелось соединить их всех в одном месте, достойном их гения и того страдания, которое было преодолено создающей силой таланта, превращающей в артефакты эмоциональное напряжение данного времени и данного пространства, выстраивая в перспективу строительства такого желанного, нужного Музея.